

Закончив пересчитывать лягушек, лекарь Чжун принялась осторожно прощупывать животы самок. Она проверяла, много ли в них скопилось ценного жира. Осмотрев так не меньше десятка тушек, хозяйка приняла из рук ученика полотенце и, вытирая пальцы, проговорила:

— Помнишь, я обещала: если будешь приносить товар такого же отменного качества, я добавлю по десять монет к цене каждой лягушки, будь то самец или самка? Помнишь мой уговор?

Вэй Чэн кивнул:

— Помню.

— Самцы в этот раз обычные, а вот самки — загляденье. Видимо, чем холоднее вода в горах, тем чище и крепче зверь, — лекарь Чжун подвела мальчиков поближе к корзине и мягко пояснила: — Вот, посмотрите на этих самок. Первым делом глядите на цвет: чем он ярче и насыщеннее, тем охотнее знатные господа покупают такой товар. В твоей корзине больше изумрудных и бурых — это хороший знак. Затем смотрите на брюшко: оно должно быть округлым и светлым. Пятнышки не беда, главное — форма. И напоследок — передние лапы. Если они толстые и сильные, а пальцы на задних длинные, значит, жира внутри будет в избытке.

Она сделала небольшую паузу и продолжила:

— Самка золотишка — это сокровище, и чем она крупнее, тем выше её ценность. К тому же одна такая лягушка в два раза больше любого самца, оттого и цена на неё иная. Раз ты доверился мне и снова пришёл в «Зал Цзиминь», я не стану обманывать тебя только потому, что ты ещё ребёнок. Слово своё я держу: добавляю по десять монет за каждую самку, итого — восемьсот пятьдесят монет сверху.

Хозяйка прикинула в уме и добавила:

— Считаю те двадцать девять лянов и восемьдесят монет, что мы насчитали раньше, получается...

Послышался сухой щелчок костяшек абака. Ученик, не отрываясь от счётов, выпалил:

— Всего двадцать девять лянов и девятьсот тридцать монет!

Вэй Чэн на мгновение оцепенел. Богатство обрушилось на него так внезапно, что он не сразу нашёлся, что сказать. Когда бедняк в одночасье становится богачом, голова у любого пойдёт кругом.

Впрочем, юноша быстро взял себя в руки:

— Спасибо за вашу заботу, управляющая Чжун. Спасибо, что не оставили нас.

Пока ученик ходил за серебром, лекарь Чжун негромко произнесла:

— Не стоит благодарности. Если уж на то пошло, это мне стоит сказать вам спасибо.

Она грустно улыбнулась, и в её прекрасных глазах промелькнула тень усталости:

— Цены в «Зале Цзиминь» низкие, и аптека часто работает в убыток. Мы держимся только за счёт того, что перепродаём на юг травы и женьшень, собранные нашими крестьянами. Но зимой в горах никого нет, дороги на юг завалены снегом, и поставки почти прекратились. Если бы не те золотыши, что ты принёс в прошлый раз, через пару дней мне не на что было бы купить крупы, чтобы раздавать кашу беднякам у ворот.

Вэй Чэн смотрел на неё, чувствуя искреннее уважение.

«Слухи не лгали, — размышлял он. — Управляющая этой аптеки и впрямь человек редкой доброты»

— Не зря в городе о вас говорят только доброе, — ответил он. — Признаться, я обошёл немало лекарей, прежде чем решился зайти к вам. Добро вернётся к вам сторицей. Вот увидите: как только сойдёт снег и наступит весна, торговля в вашей аптеке пойдёт в гору.

Лекарь Чжун улыбнулась:

— Твоими бы словами...

Получив тяжёлый мешочек с серебром, Вэй Чэн поспешил увести Горшочка из аптеки.

Когда они шли сюда, плечи ныли под тяжестью короба, теперь же они шагали налегке. Деньги были надёжно спрятаны на самом дне, укрытые слоем сухой травы так, что и не догадаешься. На прощание хозяйка дала им два свёртка с согревающими травами — на случай, если кто простудится.

Вэй Чэн старался казаться спокойным, но ладонь его, державшая маленькую ручку брата, невольно сжалась крепче.

«Тридцать лянов серебра! — сердце юноши забилось чаще. — Теперь нам не нужно бояться голода до самой весны»

Сегодня уже двадцать второе число двенадцатого месяца, Новый год на пороге. На душе у Вэй Чэна стало горько и сладко одновременно — с тех пор как умер отец, у него не было настоящего праздника.

— Братик, больно...

Вэй Чэн вздрогнул и тут же ослабил хватку, нежно погладив пальчики малыша:

— Прости, Горшочек. Это я от радости... не рассчитал.

Малыш, у которого за щекой всё ещё перекатывался кусочек сушёного абрикоса, спросил:

— А почему... почему ты такой радостный?

Братишка был слишком мал. Он понимал, что много лягушек — это хорошо, но не ведал, что значат для них тридцать лянов серебра.

— Потому что теперь я смогу купить тебе много всего вкусного, — Вэй Чэн легонько коснулся ладошки, в которой Горшочек зажал последний цукат. — И абрикосов куплю не поштучно, а сразу несколько лянов, чтобы ты ел их понемногу каждый день.

Глаза крохи округлились от восторга:

— А ещё... ещё я хочу то сладкое пирожное!

Он имел в виду фурун-гао. В прошлый раз они купили пять штук: четыре отдали в подарок, а последнюю разделили на двоих. Горшочек тогда скормил брату добрую половину. Пирожное было таким нежным и сладким, что буквально таяло на языке. Малыш тогда только и успел, что распробовать вкус, а съев всё, ещё долго облизывался и в растерянности гладил себя по животу, не веря, что лакомство так быстро кончилось. Он напоминал того сказочного обжору, что проглотил плод бессмертия, так и не поняв его вкуса.

Вчера они заходили к травнику Ци, чтобы отдать долг и гостинцы, но того не оказалось дома, так что разговор об уроках на абаке пришлось отложить.

— Хорошо, всё купим! Обязательно купим!

Вэй Чэн улыбнулся и добавил:

— Идём, сначала я тебя накормлю.

Мальчики встали ни свет ни заря и до сих пор не имели и маковой росинки во рту. Пока они возились с ловушками в горах и шли в город, голод не давал о себе знать, но стоило серебру оказаться в руках, как их желудки заурчали в унисон.

— Хочу баоцзы! Хочу баоцзы! — радостно запрыгал Горшочек.

Миновав улицу, мощёную синим камнем, они вышли к рядам со съестным. Перед праздниками здесь было особенно многолюдно: над лотками поднимался густой пар, повсюду слышались выкрики торговцев. Старцы выводили кистью на красной бумаге новогодние пожелания, женщины продавали яркие бумажные фонарики... Длинная улица пестрела товарами, и жизнь здесь была ключом.

Того торговца, у которого они покупали баоцзы в прошлый раз, на месте не оказалось — то ли припозднился, то ли вовсе перестал здесь торговать. В этот раз они так и не увидели его лотка.

— Доуфухуа! Нежный доуфухуа! Горячий, ароматный доуфухуа! — раздалось неподалёку.

— Братик, а что такое доуфухуа? — спросил Горшочек.

— Его делают из тофу. На вкус... кажется, я пробовал его в детстве, но уже почти не помню. Может, отведаем?

Вэй Чэн подвёл брата к лотку. Хозяин, завидев покупателей, радушно заулыбался:

— Молодой человек, не желаете ли мисочку нежного тофу?

Горшочек встал на цыпочки, пытаясь заглянуть на прилавок, который был едва ли не выше его самого. Торговец сначала и не заметил кроху, а потом так и ахнул:

— Ой, глядите-ка! Откуда это к нам такой нарядный карапуз выкатился? Словно с новогодней картинки сошёл!

Малыш понял, что его хвалят, и, довольный блеснув белыми зубками, важно, точь-в-точь как брат, спросил:

— А сколько стоит мисочка?

— Одна монета — одна миска, — усмехнулся торговец. — Ну что, кроха, будешь?

Горшочек вскинул бледное личико с покрасневшим от холода носом:

— А это вкусно? Если невкусно будет — Горшочек платить не станет!

Вэй Чэн опешил. Он точно не учил брата таким речам!

— Ого! Да у нас тут серьёзный покупатель! — расхохотался торговец.

Его жена, стоявшая рядом, тоже весело рассмеялась. Её звонкий голос разнёсся по всей улице:

— Хорошо сказано! Ешьте у нас, и если хоть чуть-чуть не понравится — я, тётушка Лю, угощаю вас бесплатно!

Женщины в этих краях славились своим бойким и открытым нравом.

Вэй Чэн оглядел лоток и с улыбкой произнёс:

— Брат просто шутит. Налейте нам две миски доуфухуа, и ещё...

Торговец, спрятав руки в рукава, принялся перечислять:

— У нас есть жареные пельмени — готе, есть лепёшки с начинкой. Свинина с капустой, свинина с луком, свинина с квашеными овощами... Есть и постные. С мясом — по три монеты, без мяса — по две. Что выберешь?

Вэй Чэн наклонился к Горшочку:

— Чего тебе хочется?

— Хочу мяса, — послушно ответил тот.

— Тогда дайте две лепёшки со свиной и луком и две с квашеными овощами, — решил Вэй Чэн. Капусты им и дома хватало, так что в городе можно было и побаловать себя.

Тут он заметил, как хозяйка помешивает в глубоком котле тёмный, ароматный настой, в котором варились яйца. Вэй Чэн помнил, что в детстве отец давал ему по одному такому каждый день.

«Когда потеплеет, мы обязательно купим цыплят. Теперь, с серебром на руках, мы сможем завести своё хозяйство...»

— И ещё дайте нам два чайных яйца.

Торговец прежде предупредил:

— Молодой человек, в обычное время штука стоит три монеты. Но зимой куры несутся неохотно, да и чайный лист нынче дорог, так что за одно лакомство придётся отдать шесть монет.

Зимой этот товар всегда дорожал, и в том не было ничего удивительного. Его любили и старые, и малые: будь то больной, идущий на поправку, или просто любитель вкусно поесть — одна такая находка могла утешить любого. Как бы дорого они ни стоили, покупатель всегда находился.

Две миски тофу, четыре мясных лепёшки и два яйца обошлись им в двадцать шесть монет.

Вэй Чэн протянул деньги женщине, но та только отмахнулась:

— Потом, потом! Вот поедите — тогда и сочтёмся!

За прилавком стояло несколько простых табуретов. Народу пока было немного, так что братья с комфортом устроились на своих местах, держа в руках горячую еду.

Вэй Чэн с улыбкой посмотрел на брата:

— И где же ты набрался таких слов? Совсем как маленький разбойник.

— Я просто хотел его припугнуть, — прошептал Горшочек, заговорщицки придвинувшись к уху юноши. — Скажи, я ведь молодец?

Вэй Чэн едва сдержал смех. Очищая чайное яйцо для малыша, он ответил:

— Молодец, слов нет. Чует моё сердце, станешь ты грозой всей горы Маоси.

Он протянул брату очищенное лакомство:

— Кусай понемногу, не торопись, а то подавишься.

Горшочек сначала с сомнением сморщил носик, разглядывая тёмную скорлупу:

— Оно такое чёрное... Прямо как наш Синьэр.

Только он мог сравнить еду с волчонком.

— Попробуй, братик тебя не обманет. Это очень вкусно.

Горшочек подцепил еду палочкой и осторожно откусил кусочек. Едва он прожевал его, как глаза его удивлённо расширились.

Упругий белок, пропитавшийся густым и терпким ароматом чая, не горчил, а скорее отдавал пряностями, чей вкус мгновенно окутал язык. А когда кроха добрался до нежного, ярко-жёлтого желтка, который внутри оставался чуть жидким, восторгу не было предела. Густой сок нужно было всасывать, чтобы не потерять ни капли, и этот насыщенный аромат был просто божественным. Когда во рту стало слишком густо, он запил всё глотком белоснежного, нежного доуфухуа. Вкус горячего масла, на котором обжаривали пряный перец, смешался с солёным, густым бульоном, и тепло мгновенно разлилось по всему телу.

Горшочек никогда прежде не пробовал ничего подобного. Куда только девалось его прежнее недоверие — теперь он ел так, что за ушами трещало, то и дело приговаривая: «Как вкусно!»

Вэй Чэн глядел на него, и на душе у него было удивительно светло.

Аппетит у малыша был невелик: вытерев рот, он оставил недоеденной половину миски тофу и кусок лепёшки. Старший брат, не чинясь, доел всё за ним.

Хозяйка, завидев, что они закончили, подошла прибрать посуду. Протирая стол, она с улыбкой обратилась к малышу:

— Ну что, маленький воин, понравилось ли тебе угощение?

— Очень вкусно!

Женщина решила его подразнить:

— Ну, а теперь дашь мне монетку?

— Да, — Горшочек послушно выгреб из кармана пригоршню медяков, которые брат дал ему утром, и обеими ладонками выложил на стол.

Так бесславно закончилась его первая попытка «пообедать даром».

Уходя, Вэй Чэн купил ещё две лепёшки про запас. Насчёт яиц он долго колебался, но в итоге брать не стал. Шесть монет — всё же дороговато, да и народу вокруг прибавилось. Не стоило привлекать лишнего внимания такой расточительностью.

Миновав обжорный ряд, они увидели лотки ремесленников: корзины, коромысла, всякая деревянная утварь... Юноша внимательно огляделся — того мужика, что в прошлый раз пытался выведать их секреты и выслеживал их, нигде не было видно.

Мальчик решил просто погулять по рынку. Пройдя несколько шагов, он заметил на одном из прилавков крошечный короб.

Он идеально подходил Горшочку.

Вэй Чэн подвёл брата к прилавку и спросил старого мастера:

— Сколько просишь за этот короб?

Старик ответил:

— Да это я из остатков ивы сплёл. Коли возьмёшь — отдай две монеты, пусть будет мне на удачу в начале дня.

Вэй Чэн протянул медяки и показал плетёнку малышу:

— Нравится?

Горшочек радостно заулыбался:

— Нравится! Очень нравится!

Вэй Чэн помог ему надеть ляжки. Горшочек — кругленький, белолицый, в крошечном коробе за спиной — выглядел так мило, что невозможно было сдержать улыбку. Старший брат ласково потрепал его по голове:

— Вот сейчас купим сладостей, и ты сам их понесёшь.

Они напрямик направились в лавку сладостей. Покупателей было немного, и приказчик, будучи свободным, уделил им всё внимание. Вэй Чэн поднял Горшочка на руки, чтобы тот сам выбрал угощение.

Братишка не был из тех детей, что капризничают или долго раздумывают. Он точно знал, чего хочет: не кланчил всё подряд, не топал ногами, и это очень радовало Вэй Чэна. Приказчику тоже было в радость обслуживать таких гостей; пока хозяин не видел, он даже дал малышу попробовать кусочек цуката.

В итоге они купили четыре заветных фурун-гао, пару лянов сушёных абрикосов, столько же золотистых медовых фиников и лян сушёных персиков, покрытых белой сахарной пудрой. Для себя Вэй Чэн взял четыре куса своего любимого пирожного из зизифуса.

Потратились они изрядно — за всё про всё отдали восемьдесят монет.

Все сладости сложили в маленький короб Горшочка. Самым забавным было то, что лакомства почти ничего не весили, но малыш, пройдя пару шагов, принимался подражать брату: он вытирал ладошкой воображаемый пот со лба и натужно вздыхал, будто несёт непосильную ношу.

Вэй Чэн, едва сдерживая смех, поддразнил его:

— Ох, как же ты устал! Давай-ка я заберу твою ношу?

— Нет, не надо! — Горшочек припустил вперёд, и от его недавней «усталости» не осталось и следа.

Он то убегал вперёд, то поджидал брата, и его светлое личико так и сияло от счастья. Прохожие не могли отвести глаз от такого милого зрелища.

Оставив позади лавку сладостей, они направились к ближайшему винному погребку.

Утром здесь было тихо. Слуга, лениво прислонившись к дверному косяку, дремал, но, услышав шаги, тут же вытер слюни и радушно выкрикнул:

— Почтенные молодые люди, заходите, милости просим!

Едва переступив порог, они почувствовали тонкий аромат вина и густой, дурманящий запах жареной птицы.

Вэй Чэн сразу заметил на полках несколько тушек: кожа у них была золотисто-коричневой, а с хвостиков всё ещё капал жир — видать, только из печи.

Слуга, поймав его взгляд, поспешил добавить:

— Наш мастер только что их вынул. Эти цыплята — гордость нашего заведения. Хоть они и молодые, но стоят сорок пять монет за штуку.

Обычно курица стоила около шестидесяти монет, а зимой и того дороже. Молодой цыплёнок был вдвое меньше обычной птицы, и цена в сорок пять монет за такую кроху казалась завышенной.

Вэй Чэн посмотрел на Горшочка:

— Хочешь жареного цыплёнка?

Тот уже давно облизывался от одного только запаха:

— Хочу!

— Заверните одного, — велел Вэй Чэн.

— Будет исполнено! — отозвался слуга. — Выберу для вас самого румяного. Разделать его для вас?

— Не нужно, мы сами дома разберём, — ответил юноша. Такую вкуснятину приятнее было рвать руками самим.

Когда с цыплёнком было покончено, Вэй Чэн спросил:

— А найдётся ли у вас доброе вино для свадьбы?

— Есть у нас три вида вина для такого случая. Первое — «Дочь Востока», вкус у него мягкий и чистый, стоит восемьдесят монет за кувшин. Второе — крепкое и ароматное «Золото свечи», за него просим пятьдесят монет. И третье — финиковое вино, по тридцать монет; вкус тоже хорош, но для свадьбы оно не так почётно, как первые два.

Вэй Чэн немного подумал и решил:

— Дайте мне два кувшина «Золота свечи».

В будущем им ещё не раз придётся обращаться к старосте за помощью — будь то покупка земли или другие дела, да и сам Ли Маодэ относился к ним по-доброму, так что скупиться не стоило.

Когда солнце уже поднялось высоко, Вэй Чэн повёл брата домой. Они снова сели в повозку из деревни Цзяншуй и доехали до северного склона горы Маоси. Пройдя через лесную чащу, мальчики наконец оказались у подножия своей горы.

Горшочек всю дорогу не закрывал рта: он то лакомился сладостями, то восторженно болтал о покупках. Вэй Чэн, поддавшись хорошему настроению, на ходу сплёл ему из травы игрушечную стрекозу...

Но чем ближе они подходили к дому, тем сильнее становилась необъяснимая тревога в груди юноши. Внезапно он опустил взгляд и замер: по свежему снегу, прямо к их порогу, тянулась цепочка чужих следов.

Утром их здесь точно не было.

<http://bllate.org/book/15346/1372677>